

РАЗДУМЬЯ ПИСАТЕЛЯ

Валентин
РАСПУТИН:

«Знать себя патриотом»

Авторитетно слово писателя, с глубоким доверием внимают ему люди, ищущие решения накопившихся проблем. В этом можно было еще раз убедиться, присутствуя на встрече Валентина Распутина со своими земляками-читателями, состоявшейся недавно в Иркутске. Ответы на многочисленные вопросы, заданные писателю на этом вечере, прозвучат в передаче Центрального телевидения «Встреча с Валентином Распутиным», которая выйдет в эфир 26 июня.

Публикуем несколько фрагментов из этой передачи, а также размышления писателя, как говорится, оставшиеся за кадром.

Три главных
вопроса

Сегодня любой серьезный разговор в читательской или иной аудитории сводится к трем главным вопросам: первый — это шухшинский вопрос: что с нами происходит? Два другие были заданы значительно раньше: что делать и кто виноват?

На последние два вопроса ответить труднее. А вот что касается первого, то за те полтора десятка лет, которые мы прожили без Шухшина, острота этого вопроса несколько не убавилась, только, может быть, изменилась его интонация. Если тогда она имела почти трагическое звучание, то сейчас, пожалуй, несколько растерянное. Но тогда мы все-таки пытались однозначно ответить на этот вопрос. А сейчас, когда в связи с перестройкой открылась возможность высказаться всем, то и ответов стало больше. Говори почти все, что хочешь. Правда, за этим «почти» кое-что скрывается, но тем не менее перед нами открылись такие горизонты, о которых совсем недавно мы не могли подозревать.

Итак, говорить можно все, а проблем накопилось очень много, они нагромождаются друг на друга, причем с неимоверной быстротой. Но и говорить-то подчас уже не хочется, потому что решение этих проблем, исправление очевидных недостатков идет чрезвычайно медленно. Двигательная часть перестройки отстает от наших слов.

Конечно, не все так просто, на все требуется время, требуются усилия, требуется наша общая объединенность. Но пока что во многом наше общественное движение, общественное сознание — они, как лебеди, как и щука: тянут в разные стороны. И пока это будет происходить, пока не произойдет объединение, консолидация патриотических сил, добиться ожидаемых от перестройки результатов будет трудно.

Из всего круга волнующих проблем я бы в первую очередь выделил связанные с экологией, в частности с сохранением Байкала. Ибо проблемы эти имеют глобальное значение. И к решению их должен быть соответствующий подход.

Недавно у нас создан долгожданный Госкомприроды. Но ждали мы появления этого комитета несколько в другом ранге. Полагали, что он будет не на равных правах с другими ведомствами и министерствами, а стоять над ними — в вопросах использования природных ресурсов. Сдавать в аренду землю и осуществлять контроль за правильным использованием ею, контролировать потребление воды, состояние воздуха, и его решения должны иметь обязательную силу. Только в этом случае ему удалось бы что-то сделать. А при нынешнем положении комитета, даже во главе с таким уважаемым человеком, как Ф. Т. Моргунов, я боюсь, ему не под силу будет бороться с министерствами.

А вопросы экологии действительно глобальные, и пришла пора решать их уже не в масштабе одной страны, но всем миром.

Когда я был в Швеции, убедился, как широко там организовано движение за охрану окружающей среды. И это движение повсюду разрастается, потому что все сейчас начинают понимать, к какому итогу мы можем прийти.

На Западе в этом направлении очень много делается. И делается, мне кажется, гораздо больше, чем у нас, отчасти потому, что у нас хотя и расходуются огромные средства на охрану природы, но расходуются подчас не совсем разумно. Немалые деньги, к примеру, вкладываются в реконструкцию Байкальского целлюлозного комбината. Но она будет закончена в 1992 году, а предполагается, что в 1993 году комбинат надо будет перепрофилировать.

Так стоит ли ради одного года тратить эти огромные деньги? Это ведь получается — не на природу, а против природы как раз работает. Может быть, целесообразнее все-таки рассмотреть вопрос о скорейшем перепрофилировании комбината, не тратя деньги на его реконструкцию?

Примеры бесхозяйственности, усугубляющие наметившийся экологический кризис, можно приводить до бесконечности. Скажем, всем известно, как автомобили загрязняют воздух ядовитыми выбросами. Во многих странах стремятся уменьшить количество свинца в бензине или просто производить бензин без свинцовых добавок. У нас же пока ничего подобного не делается.

А возьмем такой больной вопрос — о наших лесах. Получил я недавно письмо от одной женщины: «Я не могу вам верить и не могу вас считать за писателя, потому что вы до сих пор не вступились за сибирские леса». Что ж, очевидно, она права, я принимаю эту вину по Достоевскому, который говорил: все виноваты, все виноваты и если бы только в этом все убедились.

Это наша российская мораль, и с ней приходится соглашаться, хотя за все не взялось, всего не охватить. А что касается лесов — леса, например, Иркутской области уничтожаются безжалостно.

Иркутская область по лесозаготовкам занимает первое место в стране — 34 миллиона кубометров! Большая часть из них — это, конечно, государственные заготовки, но очень много и самозаготовителей от республик, от разных предприятий, которые ни с чем не считаются: ни с какими правилами рубок, ни с какими законами лесопользования. А лесовосполнение для них — это уже десятое дело.

Так вот вопрос: зачем нам сейчас увеличивать рубку леса, когда по сравнению с техническими развитыми странами в расчете на 1 тысячу кубометров мы получаем продукции в 5—6 раз меньше — бумаги, картона, целлюлозы?

Ну, может быть, стоило бы поощрять лес до тех времен, когда мы сумеем наладить более совершенную технологию переработки древе-

сины? Ведь 40 процентов лесного сырья у нас остается на лесосеках или сжигается!

И я понимаю женщину, которая пишет, что она радуется, когда читает сообщение о том, что не выполен план по лесозаготовкам или по добыче нефти. Потому что это остается в природе, остается на будущее.

Я тоже не могу разделять оптимизма, когда слышу, что такой-то леспромхоз или такая-то бригада на столько-то процентов перевыполнила план по лесовырубкам. Ну как можно здесь перевыполнять план? Где научное обоснование, где нормы, где карты этих вырубок? Мол, перевыполнили план в результате социалистического соревнования. Кому нужно такое соревнование?

Конечно, когда-нибудь мы должны образумиться, сама жизнь заставит: когда дойдем до края пропасти и останется только прыгать в нее или поворачивать назад, но ведь к тому времени очень многое будет не вернуть, ибо уже сейчас происходят необратимые последствия нашего варварского отношения к природе.

И мы начинаем это понимать, и сознание наше, по крайней мере за последние три или пять лет, очень сильно изменилось. Сейчас полуграмотный в этом отношении народ становится все более образованным.

Но разрыв между сознанием грозящей катастрофы и творческими делами становится все больше и больше. Вот мы построили прекрасный, казалось бы, город. В прекрасном месте вершилась эта стройка, объявляемая комсомольской ударной, прекрасны были многие душевные порывы. Я говорю о Братске. Построили Братскую ГЭС, Братский лесопромышленный комплекс, алюминиевый завод...

Ну а для кого построили мы этот город? Для кого? Для человека, что ли?

Да человеку уже сейчас нельзя жить в этом городе. И живут люди там потому, что не знают об условиях, в которых существуют, не знают, чем они дышат, что пьют.

По всем нормам в этом городе жить нельзя. И у нас, как отмечал председатель Госкомгидромета СССР Ю. Израэль, — десятки городов, которые находятся в столь критическом состоянии. В Иркутской области — это Братск и Ангарск. Среди других городов Сибири — Норильск, Новокузнецк, Кемерово...

Да, сознание наше меняется, но вот дело это еще движется очень плохо.

В связи с общими проблемами экологии можно немало говорить и о Байкале, судьба которого отнюдь не решена, хотя в прошлом году и было принято правительственное постановление о его защите.

Сейчас я коснусь лишь одного обстоятельства, которое в последнее время вызвало серьезную тревогу.

Уже многие знают о том, что осенью прошлого года на Байкале началась массовая гибель нерпы, ученые говорят, что погибли сотни нерп, а люди, которые живут на Байкале, считают, что не сотни, а тысячи.

Почему происходит такой мор? Никто пока не может внятно ответить на этот вопрос. Вероятней всего, не обошлось без промышленной.

Профессор Воронцов — биолог, многие годы проводил исследования на берегу Байкала. И проводил их на таком генетически подвижном виде, как божья коровка. Он написал мне, что вблизи Байкальского целлюлозного комбината божья коровка нет совсем. И только на расстоянии от 12 до 15 километров появляются первые экземпляры, и, когда их стали обследовать, выяснилось, что частота редких мутаций у этой божьей коровки в 70 раз больше, чем у той, которая существовала бы в благоприятных условиях. А коли такие изменения происходят с божьей коровкой, значит, они происходят и с другими обитателями байкальских вод и берегов, только не наблюдаются в столь короткое время. Значит, эти изменения, как считает профессор, могут быть и у человека.

О национальном
самосознании

— Вы затронули тему роста общественно-народного сознания в связи с экологическими проблемами. Не меньшее внимание привлекают к себе сегодня и процессы в сфере национальных отношений, связанные с подъемом национального самосознания. В частности, обострились столкновения мнений по поводу проводимых в 20—30-е годы плановых акций по разрушению памятников отечественной истории и культуры, насаждению искаженных представлений об историческом пути России, чертах русского национального характера и т. д. Да и как относиться ныне к понятию «патриотизм», когда столь многие определяющие события предшествующих десятилетий подвергаются радикальному переосмыслению?

— Что касается национального самосознания, национальных отношений и многих других тем, с ними связанных, — сейчас это один из объектов самых жгучих споров. Об этом пишут много, много говорят, еще больше об этом шутят, что уже вызывает даже определенное противостояние в нашем обществе, хотя при нынешней гласности представляется возможность дотолаковать эти проблемы до конца.

Меня задело в одной из статей утверждение о том, что слово «патриот» в русском языке не должно иметь первого лица. Это значит, что никто из нас не вправе сказать про себя: «я — патриот», а может лишь на-

деяться, что кто-то скажет о нем «ты — патриот». Или после смерти напишут в прощальном слове: «он был патриот». Выходит, декабрист Раевский был слишком нескромен и много на себя брал, когда говорил: если патриотизм — это преступление, я преступник. И пусть суд вынесет мне самый ужасный приговор, я подпишу приговор.

И все другие, кто искренне считал себя патриотом, не имели, значит, морального права присваивать себе это звание потому, что оно не захватывается, а друется, и по нравственным понятиям не причастствует награждать себя добродетелями, пока этого по достоинству не сделают другие.

На первый взгляд, тут есть здравый смысл. Казалось бы, это не так уж и существенно. Важно быть патриотом по характеру и целям своей деятельности, а не считаться им; важно внести свою долю в патриотическое сознание и деяние, а оценку себе можно и не давать. Важен результат, а не обозначение.

И все это было бы так, когда бы патриотизм был правом тайного или клубного общества. И которым — правом — можно пользоваться, а можно и не пользоваться. И в которое — общество — можно вступить, а можно из него выступить.

Но патриотизм — это не право, а обязанность, хоть и кровная, почетная, но тяжелая обязанность, которую в меру своих способностей и сил должен нести каждый гражданин той земли, что отдана ему под Отечество.

Из отеческого общества выйти нельзя. Можно не исполнить свою обязанность, но в таком случае эту долю придется взять другому. Неполное исполнение этой обязанности есть гражданское дезертирство. Когда оно становится массовым, происходит сначала ослабление, потом загнивание, потом разложение государственного организма, и, в конце концов, из него получается совсем другой продукт.

Так в истории бывало. Человеческий организм в правильных движениях руководится разумом, для государства разумом прежде всего является патриотическое сознание. Есть оно — государство крепко; нет — огромные беды могут ждаться государству, и только слишком счастливый случай, да и то не без патриотического вмешательства, может его спасти.

Чтобы далеко не ходить, вспомним, что предстало вывести нашей стране после 20-х годов, когда патриотизм как сознание народа был заклеен и втоптан в грязь. Слово «патриот» считалось чуть ли не синонимом слова «белогвардеец», слово «память» ассоциировалось с дикостью и невежеством. Но когда встал вопрос, быть или не быть стране, когда потребовалось спасти ее от фашизма, за ним, обруганным, пошли и поклонились. Другого выхода не было.

После 1945 года, когда именно патриотизм выиграл войну, впервые, кажется, сейчас происходит, что подступают к нему с циркулем и линейкой. Пока еще с оглядкой, с оговоркой, но с видимой целью устроить перекрой ему и перешив.

Нет, патриоту не только можно, но и должно знать себя патриотом. Это не милость.

В каждом из нас, не утратившем национального корня, независимо от того, к какой бы нации он ни принадлежал, это чувство столь же живо и зримо, как чувство к детям.

Спрашивать ли нам у кого-либо, звать ли нас отцами своих детей, а если нет, почему надо спрашивать — называться ли сынами своей земли? Потому только, что среди нас могут сыскаться экземпляры, способные присвоить себе это звание без заслуг?

Но вот еще вопрос: патриотизм, патриотизм, а что такое патриотизм? На это понятие ссылаются и им прикрываются все. Стороны, занимающие совершенно противоположные позиции, как было с поворотом рек, с Байкалом, Севаном, Ладогой, Аралом, с переустройством исторических городов, да и самой российской историей, как происходит с «революцией» в искусстве, уничтожающей старе ценности, как происходит с гласностью и демократией, которые раздражают на части для групповых фобий, — никто не забывает трубить о патриотизме и потребностях Отечества.

Не надо обольщаться, что неправые заблуждения искренне. Что было в цене, на том всегда шла спекуляция. Все смешалось в российском доме, будто патриотизм, как отец многочисленного семейства, уже скончался, и все его сыновья, родные и неродные, кто любил его и презирал, преумножал и транжирил его достоинство, — все они с одинаковым правом грызутся из-за наследства.

И коль скоро вспомнили мы автора «всего смешалось в доме», надо вспомнить, что и он, Толстой, добавил свары этому дому, когда решительно заявил: патриотизм — это рабство.

У великого человека и заблуждения бывали великими. Отказываясь так о патриотизме, Толстой перепутал, очевидно, грешные наши души с царством божьим на земле, когда люди всех народов и рас будут готовы лобызаться друг с другом (он об этом именно и говорил в одной из своих статей) и патриотизм, как протез на зубах, может им в том помешать. Слова Толстого прозвучали сто лет назад. Однако всемирное лобызание, которое представлялось Льву Николаевичу, отодвинулось теперь за десятки горизонтов.

Только поэтому я и беру на себя смелость с сегодняшней, хоть и низкой, но все-таки далеко продвинутой вперед кочки, утверждать, что Толстой ошибался.

Ныне, чтобы защищать от поругания Ясную Поляну, без патриотизма все-таки не обойтись.

Как безжалостно поправляет иногда жизнь заблуждения великих. Ясная Поляна тому яркий пример. Она нуждается не просто в патриотизме как в действенном, охранном и благотворном чувстве к родной земле и ее святыням, которого достаточно было, чтобы отбывать Ясную Поляну от фашистов, но перед отечественными манкуртами, духовными недорослями и фарисеями она нуждается в патриотизме вдвойне — терпеливом, неустанным и жертвенным, встречающем перед собой сегодня таранные действия, завтра — казуистику, послезавтра — эквилибристику, и все с непогрешимостью истины в последней инстанции.

Мы вовсе не против всемирного братства, но разве нельзя каждому народу прийти в него со своим собственным лицом? Слабее от этого будут обаяния, или грешнее от этого станут поцелуи?

По праву равных
друг перед другом

Как в природе рассыпаны краски, без которых человеческое зрение превратилось бы всего лишь в холодное снятие изображений, а человеческая душа онемела бы, так и человечество расчленено, разобщено нациями, чтобы учиться друг у друга, любоваться и удивляться друг другу, друг к другу тянуться с каждой красотой и познания.

Многонациональность земли — это радужность, музыкальность, чувственность и полнота мира. Что же от всего этого отказаться?

Употребить свою деятельность на исчезновение наций, языков, на оскудение традиций и обычаев, на отвержение всего самобытного, исторического, сжечь и пустить по ветру идеалы неразумных отцов? А во имя чего?

В цивилизованных странах, и в нашей тоже, межнациональные раздоры и недоразумения больше всего тем и объясняются, что народы грубо влекут к лобызанию, вместо того чтобы любить и уважать друг друга без ущемления достоинства, по праву равных друг перед другом.

В любой семье, как известно, не обходится без урода, есть, разумеется, и у нас люди со сбившимся голосом, но судить по ним о русском самосознании как об идеологии повиновения, как о стремлении строить свое благополучие на несчастье других — это даже не ложь, а что-то до того несусветное, что пока не имеет названия. Беззастенчивое, грубое, но раз за разом повторяемое.

Причем делается это открыто и массированно. А за счет какого, интересно, народа мы, русские, строили и строим свое благополучие? О всемирной отзывчивости русского человека говорили не только русские, а после Достоевского, который сказал об этом лучше всех, не раз Россия снимала последнюю рубашку, чтобы вызвать из бед других, тех, кто способен и не способен помнить добро.

По какой такой логике берутся утверждать, что если мы хотим поддержать у своего народа самоуважение, то это значит, что непременно унижаем другие народы?

Если так рассуждать, то человек, любящий свою мать, должен непременно презирать чужих матерей. А нельзя разве, любя свою, чтить и уважать других матерей за то лишь, что они матери? У каждого человека это должно быть в крови.

«Мы — русские — какой восторг!» — воскликнул фельдмаршал Суворов в опьянении от подвига своих солдат. Воскликнул, быть может, излишне восторженно, сейчас бы так никто не посмел. Можно было, наверное, и поумереннее, но поздно поправлять Суворова. Пусть не восторгаться, но гордиться каждому человеку принадлежностью к своему народу совсем не повредит. Армянину — что он армянин, эстонцу — что эстонец, еврею — что еврей, а бурату — что бурат. Позвольте уж и русскому пристроиться к этой шеренге «семьи вольной, дружной». Кое-какие заслуги перед мировой культурой и цивилизацией есть и у него.

Гордость за свое происхождение в любом народе правомерна уже одним происхождением, которое проходит невидимый нам, но строгий отбор. Народ не может явиться случайно, ему, как известно, предшествует нравственное начало, а коль предшествует нравственное начало, стало быть, вклад во всеобщее развитие.

Закончить я хочу, выразив уверенность: завтра нам придется иметь дело не с одиночками и с неформальными объединениями, а с народом, который обрел память.

Российская история в именах Карамзина, Ключевского и Соловьева будет массовым и великим открытием России. На свидание с прошлым своей Родины пойдут вслед за первыми тысячами миллионы и миллионы, и, прозревшие, наставленные национальной судьбой, они, очевидно, разберутся, что такое патриотизм.

Никогда в нем, в российском патриотизме, и не было и не будет нелюбви к другим народам, как и к нам не может быть недоброжелательства со стороны любого народа. Рознь, что пытаются посеять между ними, к народам никакого отношения иметь не может.

Радует активный
интерес к жизни

— Решение обозначенных вами проблем будет зависеть в немалой степени от социальной активности современной молодежи. Что вас беспокоит в ней и что обнадеживает?

— Мне уже приходилось высказываться на эту тему, и я коснусь в данном случае лишь некоторых ее аспектов. Конечно же, беспокоит влияние на молодежь массовой культуры (у которой в последнее время немало защитников в прессе), почти повальное увлечение роком. Все-таки мало мы придаем значения этой опасности, выхолащивающей душу. Бывая за рубежом, я интересовался, какое влияние оказывает рок на психологию, формирование личности молодых людей, наблюдал за их поведением на таких сборищах, которые нашим рокоманам и не снились. Разговаривал об этом со многими людьми. Нередко мне говорили: ничего, мол, страшного, переболел молодежь, потом все станет на свои места. Ну, а те, у которых болезнь затянулась, что происходило с ними? — спрашивал я. И вот здесь почти всегда ответы были однозначными: происходит с ними не очень-то хорошее. Эти люди, как правило, в зрелом возрасте остаются духовно пустыми, с неразвитыми вкусами и взглядами. Так что хотелось бы, чтобы наша молодежь не теряла из виду такой несвоей перспективы.

Конечно, говоря о молодежи, нельзя всех ставить на одну доску. Меня радует активный интерес все большей части молодежи к ценностям отечественной истории и культуры, стремление участвовать в процессах общественной жизни. Это подтверждают и творчество многих молодых писателей, художников, и деятельность различных молодежных объединений, коллективов, ведущих большую работу по охране природы, памятников истории и культуры, пропаганде национального фольклора.

Кстати, на этом пути как раз и встречается немало препятствий. Мне рассказывали, как, например, нелегко складывается судьба смоленского фольклорного ансамбля «Живая вода». Этот ансамбль собирает и исполняет старинные песни Смоленщины. Неоднократно выступал по телевидению и радио. И особая ценность его в том, что народные песни доносятся в чистоте, без экстрадной обработки, без той «кляквы», которой нередко потчуют в заведениях, посещаемых иностранцами.

Казалось бы, местным властям можно только гордиться, что есть такой коллектив, делающий фольклор родного края общенациональным достоянием. Но не тут-то было. Ансамблю не только не находится места в смоленской филармонии. Прилагаются всевозможные усилия, чтобы вообще выжить из города руководителей ансамбля. Известные деятели искусства обращались с письмом к первому секретарю Смоленского обкома партии, просили разобраться в сложившемся положении. Но письмо, видимо, затерялось в кабинете.

В целом же, рассуждая о молодежи, думаю, что она ровно такая, какой и должна быть, ибо во всех своих ошибках и достоинствах она происходит из нас, из того, что мы создали сами. Поэтому и относиться к ней должно серьезно, трезво, без всякого заигрывания.

Публикацию подготовил
В. НОВИКОВ.
Фото П. Петина.